

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Вопросы истории. 1983, № 5
Ефремова Ната ПавловнаПЕРВЫЕ ШАГИ РУССКИХ ЖЕНЩИН К ВЫСШЕМУ
ОБРАЗОВАНИЮ

В мае 1882 г. в Петербурге состоялся первый выпуск 176 слушательниц Бестужевских Высших женских курсов. Впервые женщинам России довелось получить систематические знания в объеме вузовской программы¹. Позади был более чем 20-летний путь борьбы за право на высшее образование. Но еще много лет русским женщинам предстояло отстаивать и укреплять свои позиции в «храме науки». Этапы этой борьбы изучены не одинаково полно². Особенно мало внимания уделялось начальным 15 ее годам.

С какого же времени ведется отчет высшему женскому образованию в России? Обычно с 1869 г., когда были открыты первые курсы для женщин — Лубянский и Аларчинские. Однако еще осенью 1860 г. несколько смелых поборниц женского равноправия проникли в студенческую аудиторию Петербургского университета: Н. И. Корсини, М. А. Богданова, А. П. Блюммер, М. А. Бокова и Н. П. Суслорова. Их занятия начались 28 ноября³. Но в воспоминаниях А. В. Кауфман «Пионерки высшего женского образования и Петербургский университет» описывается, как еще осенью 1859 г. пришла на лекцию первая студентка: «Одна из самых больших университетских аудиторий, одиннадцатая, хорошо знакомая студентам-юристам, была переполнена: студенты с нетерпением ждали весьма популярного профессора Константина Дмитриевича Кавелина, читавшего им гражданское право. Но вот появляется профессор, а за ним ректор П. А. Плетнев под руку с молодой и красивой девушкой... Эта девушка была небольшого роста, весьма скромно одетая в простое черное платье... Звали ее, как студенты потом узнали, Наталья Иеронимовна Корсини. Отец ее был известным тогда в Петербурге архитектором... После лекции Кавелина первая по времени слушательница Петербургского университета стала посещать и другие лекции... Корсини приходила уже одна с записною тетрадь в руках, усаживалась за одним из общих столов и прилежно записывала лекции, стараясь не проронить ни одного слова»⁴.

В Петербургском университете убежденным защитником прав женщин на высшее образование был как раз Кавелин. А самая борьба за высшее женское образование была подготовлена эпохой 40—50-х годов XIX в., когда идею равенства женщин пламенно отстаивали В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и их соратники. В «Колоколе» Герцен разоблачал мероприятия царского правительства, тормозившего решение вопроса о женском образовании. Один из публицистов революционно-демократической плеяды писал тогда: «Всякое знание, приносящее пользу для мужчин, должно быть признано полезным и для женщин. Высшее образование... точно так же должно быть доступно женщине наравне с мужчиной»⁵. Высшее образование он рассматривал в одном ряду с развитием гражданской зрелости: «Первое, что мешает женщине занять в обществе место,

принадлежащее ей по праву, — это недостаток образования серьезного, рационального, в полном смысле слова человеческого, а не того внешнего, условного, которое называют женским... Подойдя ближе к интересам науки, женщина... научится видеть и настоящие интересы жизни и общества»⁶. После падения крепостного права за решение «женского вопроса» взялись коллективно, горячо и настойчиво сами женщины⁷. «Наше поколение женщин училось «эмансипирующим» идеям... на живых примерах, вида жертв, загубленных всем складом жизни», — писала известная публицистка того периода М. К. Цебрикова⁸. Каздодневная действительность являла современникам примеры унижения прачек, швей, фабричных работниц. Но именно последние подавали своим современникам из различных семей примеры самоотверженности и стойкости в борьбе. «В «фабричных бунтах» 40-х и 50-х годов женщина была таким же неизбежным участником, как и в фабричной работе... С тех пор двери самостоятельного заработка стали открываться и перед женщинами других общественных классов»⁹.

Равенство в праве на высшее образование стало бы также шагом к ослаблению экономической зависимости женщин. Далеко не все современники понимали тогда эту подоплеку стремления женщин в вузы. Когда первые студентки появились в университетах, большинство обывателей не догадывались, что это не явление «быстротечной моды», а начало серьезного общественного движения. Свидетель той эпохи вспоминал, как один старичок-преподаватель говорил барышням, добродушно посмеиваясь: «Знаем, знаем, зачем поступили сюда! Женихов искать!»¹⁰. Сохранились свидетельства «шестидесятниц» относительно мотивов, побуждавших их добиваться высшего образования. Слушательница первых женских курсов в Москве А. Н. Шереметевская писала, что с конца 60-х годов XIX в. после учреждения женских гимназий их выпускницы могли преподавать в младших классах, но «не получили права, которое, казалось бы, было еще более естественным, — права продолжать свое собственное образование под руководством специалистов»¹¹. Женщины не захотели мириться с тем, что их «выбрасывали в жизнь, слегка подравнив любознательность, без всякой надежды на дальнейшее настоящее образование»¹². Недаром с начала 60-х годов в Петербургском университете у лучших лекторов большинством слушателей были именно женщины¹³.

Развернулись дебаты о высшем женском образовании. Одни считали, что раз «дело идет о чистом знании и лица мужского пола получают ученую степень все не за то, что они принадлежат к известному полу», то и женщинам нельзя отказывать в высшем образовании¹⁴. Другие мотивировали свое несогласие тем, что студентки якобы будут плохо влиять на мужскую аудиторию¹⁵. Многие высмеивали нелепость такой мысли: не следует ли удалять женщин также с концертов и из церквей? Ведь и там они могут «помешать общественному спокойствию». Когда в 1861 г. в крупных городах вспыхнули студенческие волнения, правительство запретило допуск женщин в вузы. В 1864 г. вышел приказ военного министра о недопущении лиц женского пола в Медико-хирургическую академию; исключение сделали «только для г-жи Кашеваровой», которая занималась медициной по ходатайству Башкирского казачьего войска и имела обязательство поехать затем в Оренбургский край для лечения башкирок, ибо религия запрещала им обращаться за врачебной помощью к мужчинам¹⁶. Путь Кашеваровой к диплому был весь-

⁶ Современник, 1861, № 4, с. 505.

⁷ Подробнее см.: Шестидесятницы. — Вопросы истории, 1978, № 9.

⁸ Воспитание и обучение, 1878, № 5—6, с. 196.

⁹ Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб. 1909, с. 50.

¹⁰ Путь студентства. М. 1916, с. 3.

¹¹ Исторический вестник, 1896, № 7, с. 171.

¹² Русское прошлое, 1923, № 5, с. 134.

¹³ Щепкина Е. Н. Из истории женской личности в России. СПб. 1914, с. 287.

¹⁴ Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. 139, оп. 1, 1861 г., д. 6085, лл. 6—9.

¹⁵ Московский областной государственный архив, ф. 418, оп. 30, 1861 г., д. 630, лл. 13, 14.

¹⁶ Дионесов С. М., Кашеварова В. А. Руднева — первая русская женщина, доктор медицины. М. 1965.

¹ С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878—1903. СПб. 1903, с. 104.
² См., в частности: Федосова Э. П. Бестужевские курсы — первый женский университет. М. 1980; Иванов А. Е. За право быть студенткой. — Вопросы истории, 1973, № 1.

³ Сватиков С. Г. Русская студентка в прошлом и настоящем. Б. м., б. г., с. 1.

⁴ Исторический вестник, 1910, № 1, с. 211.

⁵ Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе. СПб. 1903, с. 86.

ма тернистым. В автобиографической повести «Пионерка» она писала: в то время высшее образование казалось настолько невозможным для женщины, что «все, даже восхищавшиеся ее способностями, отсоветовали ей предпринимать хлопоты по этому несбыточному делу»¹⁷.

Попытки оказывать помощь женщинам, стремившимся в вузы, решительно пресекались. В Москве в 1861 г., когда студент Словутинский привел на занятия своих сестер, слух об этом мгновенно дошел до попечителя Московского учебного округа. Он вызвал к себе нарушителя устава и под угрозой исключения запретил ему повторять «подобные выходки». Напрасно вступился за дочерей их отец, известный беллетрист: ему ответили, что «барышни на лекции ездят для того только, чтобы подражать студентам»¹⁸. Спустя девять лет сестры Федоровы и Ю. В. Дермونتова, будущий химик, подали прошение о допуске их на лекции в Петровскую земледельческую и лесную академию, но тоже получили отказ¹⁹. В Москве полиция запрещала устраивать где бы то ни было собрания для обсуждения вопроса о высшем женском образовании²⁰. «Помнится, как боязливо, таинственно впускал нас старый швейцар... как осторожно входили сами женщины поодиночке, замедляя на улице шаг... как тщательно завешивались выходившие на улицу окна квартиры, где готовилось собрание, как будто собирались делать что-то недоброе», — вспоминала будущая слушательница врачебных курсов²¹.

В 1863 г. в Петербурге открылись двухгодичные педагогические курсы. Они сразу же попали «под подозрение», причем особенно «неприличными» для женского учебного заведения казались реакционерам лекции по естественным наукам. Хотя специально назначенная комиссия не нашла ничего безнравственного в их преподавании, но организатор лекций проф. Н. А. Вышнеградский был уволен от должности²². Тем не менее прогрессивные лица не оставляли мысли о необходимости высшего женского образования. «Еще будучи за границей, я слышал о зародившемся в среде русских женщин стремлении к высшему образованию и вернулся в Россию с готовым сочувствием такому движению», — писал основоположник отечественной физиологии²³. Его сочувствие делу проявилось в поддержке М. А. Бокковой и Н. П. Сусловой — первых в России женщин, ставших врачами. В домах ряда просвещенных петербуржцев устраивались занятия под руководством преподавателей или студентов. Там «демонстрировали бычачье сердце... резали лягушек и кроликов... смотрели в микроскоп»²⁴. Такие занятия охотно посещала женская часть молодежи. Их инициаторами выступали сами девушки, привлекая студентов к делу, «засыпая массу вопросов, требуя разъяснений, осаждавая их ожесточенными спорами, прося серьезных разъяснений»²⁵.

Авторитет преподавателей среди студентов отчасти зависел тогда и от того, насколько активно поддерживалась первыми тяга женщин к знаниям. Добрая слава шла о профессоре Медико-хирургической академии В. Л. Грубере: «Привлекало в нем... в высшей степени благожелательное отношение к стремлению русских женщин к высшему образованию... Хотя высшая администрация еще не открывала женщинам доступа в высшие учебные заведения, Грубер грудью, можно сказать, отстаивал за ними право доступа», — писал бывший студент Академии С. Чудновский²⁶. В Казанском университете двери лекционной аудитории и анатомического театра открыл для женщин П. Ф. Лесгафт. В числе его учениц были сестры-революционерки Фигнер²⁷. Лесгафт не только давал слушателям знания, но и формировал их мировоззрение в демократическом направлении. Полицейский агент доносил, что Лесгафт «силою своего ума умеет поддерживать в большинстве юных

слушательниц своих... вредные идеи»²⁸. Переехав в Петербург, он организовал по предложению Грубера кружок анатомии, который посещали до 100 женщин. В. Н. Фигнер отмечала высокое педагогическое мастерство Лесгафта, который умел делать слушательниц соучастницами творческой работы: «Час проходил незаметно, и аудитория, переполненная и неподвижная, слушала лекцию с неослабным интересом... все чувствовали, что в изучаемом предмете все нужно, все необходимо»²⁹.

В те годы начинала свой путь в науку будущая общественная деятельница, автор книг по педагогике Е. Н. Водовозова. В числе знакомых ее семьи был революционер П. Л. Лавров. Юная Водовозова попросила Петра Лавровича убедить ее дядю, чтобы тот разрешил ей посещать лекции. Лавров согласился. «Когда же девушка учиться, если не в ранней молодости?» — считал он. К тому же «большинство теперешних лекторов читает весьма популярно», так что необходимые знания становятся вполне доступными слушательницам³⁰. И все же главная роль во впечатляющим оказался пример С. В. Ковалевской, получившей высшее математическое образование за рубежом. Ее имя произносили с уважением; примером Ковалевской вдохновлялись ее ровесницы³¹.

Успехи первых русских женщин, получивших дипломы за границей, имели не столько личное, сколько общественное значение: они облегчали дальнейшее искание на пути к равноправию. Сверх того, лучшие представительницы 60-х годов XIX в. рассматривали высшее образование как необходимую подготовку для служения народу: «Правда, за которые они боролись... права быть полезными деятельницами среди масс, среди народа»³². Такое понимание своего гражданского предназначения заставляло пионерок высшего образования не ограничиваться личными успехами, а думать о продолжении их почину другими. Например, В. А. Кашеварова-Руднева, успешно сдав выпускные экзамены в Медико-хирургической академии, сразу же начала ходатайствовать об организации женских врачебных курсов³³. С. В. Ковалевская помогла получить высшее образование за границей Ю. В. Дермонтовой, А. М. Евреиновой и вместе с другими энтузиастками приложила немало стараний, чтобы поддержать в России тех, кто хотел продолжить образование. Ковалевская говорила, что видит смысл жизни в том, чтобы служить науке и «прокладывать новый путь женщинам, потому что это значит служить истине и справедливости»³⁴. Ее муж, В. О. Ковалевский, известный палеонтолог и издатель, безвозмездно отдавал библиотеке женских курсов экземпляры своих книг, а Софья Васильевна предложила свои услуги для бесплатного чтения лекций по математике³⁵. Она писала шведскому математику М.-Г. Леффлеру: «Я жажду возможности приложить свои познания к высшему образованию для того, чтобы раскрыть женщинам двери университетов»³⁶. Но разрешение не было дано: правительство не хотело, чтобы своим примером она увлекала других женщин, что способствовало бы демократизации общественной жизни.

Созданием курсов женщины вплотную занялись в 1867 г., после выступления на Петербургском съезде естествоиспытателей Е. И. Конради, переводчицы и публицистки, активной сотрудницы «Заграничного вестника» (выходившего под редакцией П. Л. Лаврова), позднее — редактора журнала «Неделя»³⁷: «Почтенное собрание не откажет принять к сведению голос из той среды русского общества, которая до сих пор не имела возможности заявить себя активно... Среда эта — русские женщины, матери и воспитательницы подрастающего поколения... Но как

¹⁷ Новости, 1886, № 261, с. 2.

¹⁸ Былое, 1907, № 1, с. 202.

¹⁹ Вестник высшей школы, 1958, № 10, с. 91—92.

²⁰ Наблюдатель, 1882, № 4, с. 82.

²¹ Некрасова Е. Из прошлого женских курсов. М. 1886, с. 10.

²² С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет, с. 13—14.

²³ Сеченов И. М. Автобиографические записки. М. 1945, с. 108.

²⁴ Речь, 17.III.1913.

²⁵ Русское богатство, 1907, т. 8, с. 35—36.

²⁶ Былое, 1907, № 9, с. 282—283.

²⁷ Советская педагогика, 1950, № 6, с. 41.

²⁸ Красный архив, 1940, № 100/3, с. 140.

²⁹ Фигнер В. Запечатленный труд. Т. I. М. 1964, с. 72—73.

³⁰ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. II. М. 1964, с. 112.

³¹ Женское дело, 1899, № 4, с. 34.

³² Кропоткин П. А. Записки революционера. М. 1966, с. 241—242.

³³ Дионесов С. М., Кашеварова В. А. Ук. соч., с. 66—68.

³⁴ Женское дело, 1899, № 4, с. 58.

³⁵ Литвинова Е. Ф. С. В. Ковалевская. Ее жизнь и деятельность. СПб. 1894, с. 48.

³⁶ Цит. по: Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб. 1899, с. 396—397.

³⁷ Исторический вестник, 1898, № 12, с. 1242—1243.

же подготовлены женщины к великой обязанности, возлагаемой на них самую природою и самым складом общественного быта? Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство женщин не только не обладают систематическим, строго научным запасом знания, но даже чужды тех элементарных сведений, без которых всякое дальнейшее занятие науками становится безотрадным блужданием в потемках; далее она требовала организации «правильных высшеобразовательных курсов для женщин»³⁸. Группа женщин из Смоленска писала: «Радуемся за молодое поколение, за женские гимназии и другие учебные заведения, которым дан будет жизненный толчок»³⁹.

Гимназии в ту пору готовили «попугаев, кукол, все, что хотите», только не образованных женщин: «По выходе из гимназий лучших учениц ждало горькое разочарование, и им приходилось наверстывать потерянное время. Имевшие средства брали отдельные частные уроки, менее состоятельные составляли кружки и вскладчину приглашали хорошего учителя»⁴⁰. Особенно заметные пробелы имелись в познании естественных наук. Не случайно будущий юрист Евреинова писала Лермонтовой: «Обратите больше всего внимания на Ваши математические занятия: недостатки этих познаний и вообще надлежащей подготовки при вступлении в университет [Цюрихский.— Н. В.] страшно начинают дискредитировать наше женское дело»; она беспокоилась, что в России «придирчивые противники» женского высшего образования «легко найдут пригодный материал для своих выводов о неспособности женщин к высшему образованию»⁴¹. В другом письме тому же адресату есть сообщение, что в Петербурге уже взялись за устройство математических лекций для соискательниц высшего образования⁴².

Это беспокойство разделяла и Конради. Но она считала, что проблемы здесь нет: «Мы ведь намереваемся в самом скором времени устроить частные кружки, а потом и курсы для пополнения пробелов женского образования»⁴³. Для кружковых занятий предоставила свою квартиру дочь архитектора Н. В. Стасова, будущая распорядительница Высших женских курсов. Многие готовились по математике в кружке А. Н. Страннолюбского, учителя Ковалевской. «Бодрый, деятельный, строго принципиальный, не допускавший компромиссов», он создавал «удивительный подъем настроения»⁴⁴. Когда в 1878 г. открылись Бестужевские курсы, Страннолюбский 12 лет оставался их бессменным секретарем.

Что касается Аларчинских курсов 1869 г., то их организовала при содействии педагога И. И. Паульсона группа энергичных девушек. На имя ректора Петербургского университета сразу после съезда естествоиспытателей, на котором выступала Конради, пришло письмо за подписью 100 женщин с просьбой подействовать организации высшего женского образования. Среди инициаторов сбора подписей была М. В. Трубникова, дочь декабриста В. П. Ивашева, после смерти ссыльного отца воспитывавшаяся у родственников. Она рано приобщилась к чтению, увлекалась историей, философией, естественными науками. Демократично настроенный муж, «пленил ее сердце цитатами из Герцена»⁴⁵. В дальнейшем Трубникова пошла как бы по следам тех декабристов, которые, находясь в сибирской ссылке, впервые начали создавать там внесловесные женские школы. Как известно, это показало местным властям лишней затей: они боялись остаться без кухарок, горничных и нянек, если «всех бедных девочек сделают учеными»⁴⁶.

Трубникова, которую отличали «чрезвычайная искренность, честность, широта взглядов» и «необычайная скромность, такт, уважение к мнению и личности дру-

гих, всегда ясно формулировала собственные взгляды»⁴⁷ и обладала незаурядными организаторскими способностями. Первой из русских женщин она установила связь с участницами освободительного движения за рубежом, вела переписку с поборницами женского равноправия во Франции, Англии, США, стойко отстаивала на газетных страницах идею высшего женского образования: «Пока двери университета и Медицинской академии не откроются для всех, необходимо иметь для массы женщин подспорье»⁴⁸.

Им-то и должны были стать женские курсы, о создании которых шли переговоры с преподавателями столичного университета. Из числа известных ученых на просьбу женщин живо откликнулись А. Н. Бекетов, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов⁴⁹, А. М. Бутлеров, И. И. Мечников и др. Надо было не только заручиться их поддержкой, но и получить разрешение на открытие «женского университета» в Министерстве народного просвещения. Правительство приняло эту просьбу в штыки. Когда Александр II «встречал девушку в очках и в гарибальдийской шапочке, то пугался, думая, что перед ним нигилистка, которая вот-вот выпалит в него из пистолета»⁵⁰, — писал современник. В правительственных канцеляриях указывали на недостаточную подготовленность будущих студентов, отсутствие подходящего помещения, нехватку средств. И все-таки царь вынужден был пойти на уступку: хотя специального университета для женщин не было дозволено, но дано согласие на публичные лекции для всех желающих без различия пола, причем Министерству народного просвещения не требовалось ничего менять в сложившейся системе преподавания⁵¹.

Запрещение женского университета огорчило инициаторов этого начинания. «Следовало ли соглашаться на популярные лекции?» — спрашивали они себя. «Отказаться всегда успеете, а второго разрешения не скоро добьетесь», — отвечали им профессора Петербургского университета⁵². Среди женщин одни считали, что из лекций постепенно «вырастет» и университет, другие предлагали передать все имеющиеся средства на стипендии для тех, кто поедет учиться за границу. Собрания учредительниц проходили на квартире Н. В. Стасовой. Там встречались и «нигилистки», девушки из разночинной среды, добивавшиеся самостоятельности; и скромные труженицы, содержавшие своей работой семью; и богатые, знатные женщины, для многих из которых высшее образование было лишь модным увлечением.

По решению министерства, организация лекций возлагалась на самих женщин; они должны были договариваться с преподавателями, вести хозяйственные и учебные дела. Такую же самостоятельность предоставили им ранее на Лубяньских курсах в Москве. «Между тем как начальство высших учебных заведений, считая сходки студентов чуть не преступлением, разогнало их с помощью войска и наказывало исключением... слушательницы Лубяньских курсов преспокойно собирались... и без всякой помехи, хотя и под наблюдением надзирателя, обсуждали свои дела», — рассказывала одна из бывших курсисток, заметив далее, что правительство в конце концов решило покончить с курсами⁵³. Допуская самоуправление на лекциях, оно надеялось, что это явится камнем преткновения для развития женского образования. Но случилось наоборот: самостоятельность заставила женщин мобилизовать силы, позволила приобрести организаторские навыки, способствовала утверждению коллективизма.

Несмотря на отсутствие постоянного помещения, недостаток средств и разный уровень подготовки слушательниц, занятия шли строго по программе и поль-

³⁸ Труды Первого съезда естествоиспытателей. СПб. 1868, с. 29—30.

³⁹ Русская мысль, 1868, № 12, с. 2.

⁴⁰ Литвинова Е. Ф. Ук. соч. Подробнее см.: Федосова Э. П. Ук. соч., с. 5—25.

⁴¹ Архив Дома Пеханова (Ленинград), ф. 352, оп. 1, д. 399, лл. 34, 34об.

⁴² Там же, л. 45.

⁴³ Женское дело, 1899, № 4, с. 34.

⁴⁴ Празднование двадцатипятилетия С.-Петербургских Высших женских курсов. СПб. 1904, с. 23.

⁴⁵ Буланова-Трубникова О. К. Три поколения. М. 1928, с. 72—73.

⁴⁶ Сибирь и декабристы. Вып. 2. Иркутск. 1981, с. 92—100.

⁴⁷ Женское дело, 1899, № 12, с. 22.

⁴⁸ Стасов В. Ук. соч., с. 478.

⁴⁹ Сеченов еще в 1863—1864 гг. участвовал в чтении лекций для женщин в петербургской Знаменской коммуне. Организатор этого общежития для разночиннок писатель Б. А. Слепцов с энтузиазмом поддерживал идею эмансипации и выступил со статьями, посвященными женщинам-ученым (Литературное наследство, 1963, т. 71, с. 222, 445).

⁵⁰ Кропоткин П. А. Ук. соч., с. 240.

⁵¹ Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. СПб. 1903, с. 5.

⁵² С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет, с. 32.

⁵³ Исторический вестник, 1896, № 7, с. 184.

и жизнью», — сообщалось в отчете «Красного креста»⁷². «Большинство врачей, прежде сомневавшихся в медицинской способности женщин, признали в них своих товарищей по делу», — свидетельствовал современник⁷³. И тем не менее женщины-врачи нередко оставались без мест и должностей: губернаторы отказывали им не только во врачебной практике, но даже и в аптекарской работе⁷⁴.

Многие учредители женских курсов стремились прочнее связать их с вузами. В. И. Герье просил Министерство народного просвещения разрешить ему числить свои курсы при Московском университете. Но министерство держалось того принципа, чтобы курсы «состояли на общем со всеми частными учебными заведениями основании». Впоследствии и петербургские Бестужевские курсы тоже возникли «по частной инициативе» и не могли бы существовать без пожертвований «Общества для доставления средств Высшим женским курсам»⁷⁵. Официальные круги всеми методами пытались удержать женщин от увлечения курсами. «Классным дамам и преподавательницам женских гимназий строжайше запрещено, под опасением удаления от должности, посещать публичные лекции... Такое же запрещение распространено и на воспитанниц как гимназий, так и педагогических курсов»⁷⁶.

Правительственная неприязнь к женским курсам проявлялась и в некоторых органах печати, публиковавших злобные нападки на женщин, осмелившихся получить высшее образование. «Дерзкий окрик со страниц какой-нибудь потерявшей стыд газеты, совершенно вымышленное оклеветание в печати курсов и их слушательниц»⁷⁷, как отмечал историк женского движения М. Д. Песковский, соседствовали с похвалами царскому правительству, которому якобы «принадлежит почин в организации систематического среднего и высшего образования женщин»⁷⁸. Стронникам курсов приходилось вести борьбу с многочисленными недоброжелателями, которые сетовали, что образование оставит женщину «без отца и матери, без братьев и сестер, без мужа и детей».

Гораздо более сложной была постоянная борьба с полицией. Все программы занятий надлежало санкционировать в III Отделении, где их рассмотрение надолго задерживали, ставя под угрозу срыва начало лекций. Избавиться от такой «опеки» не было никакой возможности. И в Москве и в Петербурге курсы находились на плохом счету у полиции за их «нигилистическое направление». Ober-полициеймейстер Ф. Ф. Трепов в марте 1871 г. доносил министру внутренних дел, что на курсах «нет гармонии в преподавании, нет систематического приготовления слушательниц к одной, общей цели»⁷⁹. Конечно, его беспокоили не педагогические недостатки. Курсисткам приходилось нарочито демонстрировать благонадежность, чтобы не возбуждать подозрений: «Судьба курсов была для них всего дороже, они знали, что за нее на них лежала ответственность перед будущим поколением женщин»⁸⁰.

Борьба за высшее образование способствовала политическому воспитанию женщин. На процессе нечаевцев 1871 г. обвиняемая А. Д. Деметрива заявила: «Даже те немногие отрасли знаний, которые предоставлены женщинам, обставлены такими преградами, что весьма немногие имеют возможность пользоваться этими средствами», и это ставит женщин в оппозицию⁸¹. Конечно, немало девушек оставались еще политически наивными; многие полагали, что высшее образование само по себе позволит им выполнить свой долг перед народом; что благодаря одному развитию науки «люди со временем достигнут полной власти над силами природы, и только тогда настанет на Земле длинный период такого счастья, которое мы

в настоящее время даже и представить себе не можем»⁸². Такое суждение, впрочем, было типичным тогда для значительной части интеллигенции. Только постепенно все большему кругу людей становилось понятным, что одним лишь распространением наук не достичь прогресса.

Ряд курсисток был настроен революционно. М. В. Трубникова сочувствовала целям народовольцев, хотя «решительно отрицала террор, и это было вечным предметом споров»⁸³. А. П. Филофова была непримирима к реакции и всеми доступными способами помогала революционерам, используя свои связи в высшем обществе⁸⁴. В 1879 г. ее за содействие революционному подполью выслали из России. Революционные настроения были особенно заметны у студенток, обучавшихся в зарубежных университетах⁸⁵. В 1873 г. царское правительство распорядилось, чтобы все русские женщины, обучавшиеся за границей, немедленно вернулись, в противном случае выданные им дипломы будут недействительны в России⁸⁶. Находявшаяся в Швейцарии В. Н. Фигнер оказалась перед выбором: «Если мы теперь побросаем науку на середине курса и если из сотен девиц, поступивших в недавно открытые для нас швейцарские институты, окончат лишь единицы, то не дадим ли мы право нашим врагам говорить, что женщины не пригодны и не способны к высшему образованию»⁸⁷. Действительно, успехи русских студенток, занимавшихся в Цюрихском университете, доказывали, что «теория, провозглашающая полную неспособность женщин к высшему образованию, теряет всякое основание»⁸⁸.

Однако значительная часть русских студенток сочла тогда все же необходимым, не завершив образование, перейти к революционной борьбе. Вернувшись в Россию, они приняли активное участие в «хождении в народ». Бывшая студентка курсов Герье писала: «У нас поднимались шумные беседы по политическим и социальным вопросам... У всех были знакомства среди кружков пропагандистов. Кто и спорил с революционерами, все же с волнением следил за ними, даже преклонялся перед их смелостью и самоотвержением. И грустно становилось, какие же мы, «гизотки Герье», серенькие и жалкие перед яркими образами сестер Люботович, Топорковой, Каминской, самой Бардиной... Естественное, профессора отодвигались куда-то в туманную даль, все заслонялось собраниями с рабочими и крестьянами и чтением революционной и социалистической литературы»⁸⁹. Так первые шаги русских женщин к высшему образованию слились в социальном плане с событиями разночинского периода освободительного движения в России.

⁸² Морозов Н. Повести моей жизни. М. 1916, с. 63.

⁸³ Буланова-Трубникова О. К. Ук. соч., с. 156.

⁸⁴ Алтекман О. В. Василий Васильевич Берн-Флеровский. Л. 1925, с. 120—122; Бенуа А. Мои воспоминания. М. 1980, с. 500, 502.

⁸⁵ Барриер Л. Освободительное движение в царствование Александра Второго. СПб. 1909, с. 113.

⁸⁶ Правительственный вестник, 21.V.1873.

⁸⁷ Фигнер В. Полн. собр. соч. Т. 5. М. 1932, с. 205.

⁸⁸ Бермет В. Университетское образование женщин. СПб. 1873, с. 24.

⁸⁹ Русское прошлое, 1923, № 5, с. 140—141.

⁷² Красный крест в тылу Действующей армии в 1877—1878 гг. Т. I. СПб. 1880, с. 118—119.

⁷³ Русские женщины в войну 1877—1878 гг. СПб. 1879, с. 94.

⁷⁴ За женщин. Трезвые мысли и веские факты. СПб. 1883, с. 238.

⁷⁵ Женское образование, 1878, № 5, с. 346.

⁷⁶ Вестник Европы, 1870, № 4, с. 273—274.

⁷⁷ Русская мысль, 1886, № 11, с. 42.

⁷⁸ Там же, № 7, с. 59.

⁷⁹ С.-Петербургские Высшие женские курсы, с. 45—46.

⁸⁰ Некрасова Е. Ук. соч., с. 84.

⁸¹ Правительственный вестник, 4.VII.1871, с. 3.